

В молодые годы Лян Сун был женат, и у него был сын. К несчастью, госпожа Лян рано ушла из жизни, а единственный сын десять лет назад тоже скончался от болезни — страшная участь для родителя, пережившего своего ребенка.

Сюй Хуэй приходился Лян Суну двоюродным племянником и теперь был его самым близким родственником.

Одетый в траурный головной убор из мешковины, Сюй Хуэй стоял на коленях у гроба и то и дело подбрасывал в глиняный таз бумажные деньги. Другие члены семьи Лян из управы Гусу тоже пришли оплакать покойного. Раньше Тан Шэнь никогда не видел, чтобы учитель общался с этой родней, но теперь они явились все до единого, облаченные в белые траурные одежды.

Тан Шэнь опустился на колени, трижды поклонился учителю до земли и бросил в огонь горсть бумажных денег.

Заметив, что Тан Шэнь тоже одет в траурные одежды, Сюй Хуэй поднял на него взгляд.

Тан Шэнь сказал:

— Я провожу учителя вместе с тобой.

Сюй Хуэй немного помолчал и кивнул.

Гроб простоял в Поместье Лян семь дней, а ранним утром восьмого дня начались похороны. Сюй Хуэй шел впереди всех, бережно неся поминальную табличку Лян Суна, за ним следовали несколько дальних родственников по фамилии Лян. Тан Шэнь, хоть и был учеником покойного, не имел с ним кровного родства, поэтому шел рядом, сопровождая гроб.

Он слегка придерживал рукой основание гроба, словно помогая нести его.

Перед могильной плитой разбили заукойный таз, совершив обряд прощания. Все по очереди поклонились. Тан Шэнь попрощался с Сюй Хуэем, и они разошлись.

Вернувшись домой, Тан Шэнь собрался было снять траурный убор и платье из мешковины, как вдруг заметил Тан Хуан, которая робко пряталась за дверью и украдкой наблюдала за ним. Тан Шэнь поманил ее рукой:

— Что ты там стоишь и подглядываешь? Я вообще-то переодеваться собираюсь, тоже смотреть будешь?

— Глупости... Глупости не говори! Вовсе я не собираюсь смотреть, как ты переодеваешься, — смутилась Тан Хуан. — Братец, ты... ты только не горюй так сильно.

Тан Шэнь ненадолго замолчал.

— Как же тут не горевать... Учитель относился ко мне со всей душой. Я и подумать не мог, что он уйдет вот так.

— А я видела, как ты последние несколько ночей тихонько плакал под одеялом.

— Что ты там бормочешь? — отозвался Тан Шэнь.

— Ничего. Братец, если тебе будет совсем тяжело, ты поделись со мной.

За последние дни Тан Шэнь впервые улыбнулся:

— Да что ты понимаешь, мала еще. Ну да ладно, спасибо за заботу.

Лян Сун ушел из жизни, но она продолжалась.

Чтобы соблюсти траур и проводить Лян Суну в последний путь, Тан Шэнь взял в академии десять дней отпуска. Закончив со всеми делами, он вернулся к занятиям. Едва завидев его, Сунь Юэ хотел было окликнуть его по имени, но тут же прикусил язык. Помявшись, Сунь Юэ нерешительно подошел ближе:

— Тан Шэнь, если тебе тяжело, не держи все в себе. В прошлом году умерла моя прабабушка, она любила меня больше всех на свете. Я целых полгода не мог прийти в себя.

Тан Шэнь взглянул на него:

— Я знаю, что вы желаете мне добра. Не переживай, прошло уже достаточно времени, пора и мне прийти в себя.

Сунь Юэ кивнул.

Тан Шэнь нарочно взял отпуск, чтобы соблюсти траур по Лян Суну, и вместе с Сюй Хуэем проводил его в последний путь. Как ученик он сделал все, что велит долг и совесть. Сунь Юэ видел, как глубоко тот горевал, и понимал: пусть Тан Шэнь еще не оправился до конца, он хотя бы смирился с потерей.

— Скажи, — негромко спросил Сунь Юэ, — разве это стоило того? Столько великих ученых лишили себя жизни ради одного лишь Великого ученого Чжуна... Разве оно того стоило?

Взгляд Тан Шэня мгновенно заledenел:

— Стоило!

— А? В чем же смысл? Я этого совсем не понимаю. Не дано мне постичь эти возвышенные чувства великих мужей. Я вот хочу прожить еще не один десяток лет и наесться всяких вкусностей. Сдам провинциальный экзамен — и заживу припеваючи до конца своих дней, как небожитель! Эй, Тан Шэнь, почему ты молчишь? И зачем ты открыл «Ли цзи»? У тебя что, появились какие-то связи, и ты прознал, что главный экзаменатор в этом году отдает предпочтение «Ли цзи»?

— Займись уже учебой! — отрезал Тан Шэнь. — Только что пытался утешить, а теперь донимаешь расспросами. Какой же ты непостоянный.

Сунь Юэ лишился дара речи.

— Это ты у нас непостоянный, — проворчал он.

В класс вошел Наставник Цянь и начал урок, однако мысли Тан Шэня вскоре унеслись далеко отсюда.

Все те семь дней, что он провел на коленях в поминальном зале у гроба учителя, его не покидала одна и та же мысль: почему учитель решил последовать в могилу за Великим ученым Чжуном?

Он не понимал благородства и несгибаемой воли древних. Если бы за Великим ученым Чжуном последовали только двое — Ученый Ло и Лян Сун, — он бы еще мог это осмыслить. Они отдали жизни за свои убеждения, ради некоего возвышенного идеала, который ему, Тан Шэню, был неведом.

Но ведь в тот день по всей Великой Сун погибло целых семь великих ученых!

Члены Фракции Сунцин исчезли практически в одночасье.

Еще двадцать шесть лет назад, после Дворцового переворота у ворот, эта фракция фактически прекратила свое существование. И вот теперь последние оставшиеся в живых великие ученые, чьи имена гремели на всю Поднебесную, одновременно и без малейших колебаний подняли мечи и пронзили собственные сердца, чтобы доказать свою правоту ценой жизни.

Да, это была смерть во имя высшей справедливости!

Но какую именно истину они хотели доказать? Тан Шэнь размышлял об этом целых семь дней и наконец понял.

Двадцать шесть лет назад наставник наследного принца Чжун Тайшэн вместе с самим принцем привели во дворец личную стражу, замышляя переворот. Принц был застрелен на дворцовых воротах нынешним императором, который тогда был лишь вторым принцем, а Чжун Тайшэна бросили в темницу. С того момента процветающая Фракция Сунцин вмиг превратилась в сборище мятежников и предателей, а ее сторонники разбежались кто куда.

Но историю всегда пишут победители.

Чжун Тайшэн — изменник, а наследный принц — непочтительный сын: эта версия запечатлена в хрониках железными чернилами, и изменить ее, казалось, невозможно вовеки. И тогда они пожертвовали семью жизнями, чтобы явить миру правду. Даже если надежда была ничтожно мала, они хотели донести до потомков истину, обелить имя наследного принца и вернуть честное имя Чжун Тайшэну!

При этой мысли в груди Тан Шэня вскипела глухая ярость. Но вдруг он грустно усмехнулся, вспомнив кое-что.

«Учитель, самое печальное, что вы так и не узнали: еще шестеро ваших соратников сделали точно такой же выбор!»

В день, когда Тан Шэнь покидал Поместье Лян, Лян Сун напоследок посоветовал ему прилежнее изучать «Чуньцю», ведь Ученый Ло очень ценил этот канон. Учитель не знал, что Ло Чжэнь уже опередил его, уйдя вслед за Чжун Тайшэном. Он не догадывался, что в пяти других уголках Великой Сун еще пятеро его старых друзей приняли решение пройти тот же скорбный путь до конца.

Ради того, чтобы опровергнуть вековое бесчестье и восстановить историческую справедливость, семеро мужей расстались с жизнью.

Стоило ли оно того?

Тан Шэнь считал, что нет.

Но Лян Сун считал иначе. И Ло Чжэнь считал иначе.

И пятеро погибших членов Фракции Сунцин тоже верили, что это того стоило!

Этого было достаточно.

Шестнадцатого числа первого лунного месяца префект Гусу Лян Сун покончил с собой, повесившись. Жители Гусу единодушно оплакивали Великого ученого Ляна и провожали его гроб. Вслед за февралем наступила пора нового уездного экзамена; жизнь текла своим чередом, и в управе Гусу вновь воцарился привычный покой.

Что же касается учеников Академии Цзыян, они, конечно, горевали о кончине великих мужей, но куда больше их мучила неизвестность: кто же станет главным экзаменатором на провинциальном экзамене в этом году?

Сунь Юэ с силой хлопнул по столу и простонал:

— Ну почему Ученый Ло решил покончить с собой?!

Тан Шэнь отозвался:

— Вместо того чтобы выть, лучше почитал бы лишний раз. Глядишь, и наткнешься на тему для провинциального экзамена.

— Легко сказать! — вздохнул Сунь Юэ. — Ну наткнусь, и что с того? Четверокнижие и Пятикнижие я зазубрил до дыр, темы каждого года берутся именно оттуда. Но толку-то читать, если написать сочинение я все равно не смогу!

Они еще немного поболтали, обмениваясь шутками, как вдруг у дверей класса показался студент из другого потока и позвал Тан Шэня:

— Тан Шэнь! Тебя там зовут, похоже, какое-то срочное дело.

Тан Шэнь вышел из академии и увидел ожидавшего его Яо Саня. Лоб того лоснился от пота.

Стоило Тан Шэню показаться, как Яо Сань взволнованно выпалил:

— Молодой хозяин, беда! В Тереме Сися стряслась беда!

Взгляд Тан Шэня мгновенно стал холодным.

Они поспешили к Терему Сися, но еще издали увидели толпу, собравшуюся на улице Суйцзинь. Люди сгрудились перед дверями заведения, с любопытством наблюдая за происходящим. Кто-то в толпе выкрикнул: «Молодой хозяин Терема Сися пришел!» — и зеваки тут же расступились, давая дорогу. Пройдя вперед, Тан Шэнь увидел лежащего на носилках бледного мужчину средних лет, который истошно вопил, катаясь со стороны на сторону и держась за живот.

Рядом с ним стояла дородная, расплывшаяся женщина. Завидев Тан Шэня, она без лишних слов бросилась на него с кулаками.

Яо Сань преградил ей путь:

— Ты что творишь?!

Женщина в ярости завопила:

— Что я творю?! Люди добрые, поглядите только! В этом Тереме Сися молодого триумфатора Тана торгуют тухлятиной, людей до смерти травят! Вчера мой муж пришел сюда пообедать. Еще когда ел, говорил, что вкус странный, будто испорчено все. Домой вернулся — и всю ночь его наизнанку выворачивало, до сих пор не отпустило! Он уже на ладан дышит! Тан Шэнь, если ты не ответишь за это, я разнесу твой Терем Сися по кирпичику!

Тан Шэнь усмехнулся:

— Громкие слова. С чего ты взяла, что твой муж занемог именно из-за еды в Тереме Сися? Вздумала устроить мне подставу?

Яо Сань растерянно спросил:

— Молодой хозяин, а что такое «подстава»?

<http://bllate.org/book/18292/1754475>